

W

324

1038

1601

W 324
1038

Любите другъ друга!

Офицерская памятка.

ОБРАЩЕНИЕ

Л. Н. Толстого.

Изд. „ПРИЗЫВЪ“.

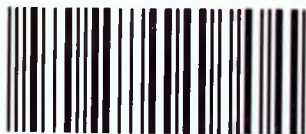
ОФНЕРСЯВЯВ ПМТНВ

ОБРАЩЕНИЕ

Л. Н. Толстого

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

21263-60

2007053822

„Офицерская памятка“

А кто соблазнить одного изъ малыхъ силъ, вѣрующихъ въ меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской.

Горе міру отъ соблазновъ, ибо надобно прійти соблазнамъ, но горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ.

(Мѡ. XVIII, 6, 7).

Во всѣхъ солдатскихъ помѣщеніяхъ виситъ прибитая къ стѣнѣ такъ называемая «Солдатская памятка», составленная генераломъ Драгомировымъ. Памятка эта есть наборъ мнимо солдатскихъ народныхъ (совершенно чуждыхъ всякому солдату) глупо-ухарскихъ словъ, перемѣшанныхъ съ кощунственными цитатами изъ Евангелія. Евангельскія изреченія приведены въ подтвержденіе того, что солдаты должны убивать, зубами грызть своихъ враговъ: «сломила штыкъ, беи кулаками, отказались кулаки, вцѣпись зубами». Въ заключеніе же «Памятки» сказано, что Богъ есть генераль солдатъ: «Богъ вашъ генераль».

Ничто очевиднѣе этой «Памятки» не доказываетъ ту ужасную степень невѣжества, рабскои покорности и озвѣренія, до которыхъ дошли въ наше время рус-

скіе люди. Съ тѣхъ поръ, какъ появилось это ужаснѣйшее кощунство и было вывѣшено во всѣхъ казармахъ, а это ужъ очень давно, ни одинъ начальникъ, ни священникъ, которыхъ, казалось, прямо кажется извращеніе смысла евангельскихъ текстовъ, не выразилъ осужденія этому отвратительному произведенію, и оно продолжаетъ печататься въ милліонахъ экземпляровъ и читаться милліонами солдатъ, принимающихъ это ужасное сочиненіе за руководство ихъ дѣятельности.

Памятка эта давно возмущала меня, и теперь, боясь, что я не успѣю до смерти сдѣлать этого, я написать обращеніе къ солдатамъ, въ которомъ стараюсь напомнить имъ о томъ, что они, какъ люди и христіане, имѣютъ совсѣмъ другія обязанности передъ Богомъ, чѣмъ тѣ, которыя выставляются въ этой памяткѣ. Такое напоминаніе, я думаю, нужно не однимъ солдатамъ, но еще болѣе офицерству (подъ офицерствомъ я разумѣваю все военное начальство отъ прапорщика до генерала), которое поступаетъ въ военную службу или остается въ ней не по принужденію, какъ солдаты, а по собственной охотѣ. Напоминаніе это, мнѣ кажется, особенно нужно въ наше время.

Вѣдь хорошо было лѣтъ 100 или 50 тому назадъ, когда война считалась неизбѣжнымъ условіемъ жизни народовъ, когда люди того народа, съ которымъ велась война, считались варварами, невѣрными или злодѣями, и когда и въ голову не приходило военнымъ,

чтобы они были нужны для подавленія и усмиренія своего народа, — хорошо было тогда, надѣвъ пестрый обшитый галунами, мундирчикъ, ходить, гремя саблей и позванивая шпорами, или гарцовать передъ полкомъ. воображая себя героемъ, если еще не пожертвовавшимъ, то все-таки готовымъ жертвовать жизнью для защиты своего отечества. Но теперь, когда частыя международныя сношенія — торговыя, общественныя, научныя, художественныя — такъ сблизили народы между собою, что всякая война между современными народами представляется чѣмъ то въ родѣ семейнаго раздора, нарушающаго самыя священныя связи людей. когда сотни обществъ мира и тысячи статей, не только спеціальныхъ, но и общихъ газетъ, не переставая на всѣ лады разъяснять безуміе милитаризма и возможность, даже необходимость, уничтожить войну; теперь, когда — и это самое главное — все чаще и чаще приходится военнымъ выступать не противъ виѣшнихъ враговъ для защиты отъ нападающихъ завоевателей или для увеличенія славы и могущества своего отчества, а противъ безоружныхъ фабричныхъ или крестьянъ, — гарцованіе на лошаdkѣ въ украшенномъ галунами мундирчикѣ и щегольское выступаніе передъ ротами уже становится не пустымъ, не простительнымъ тщеславіемъ, какъ это было прежде, а чѣмъ то совсѣмъ другимъ.

Въ старину, хотя бы при Николаѣ I, никому и въ голову не приходило, что войска, нужны преимуще-

ственно для того, чтобы стрѣлять по безоружнымъ жителямъ. Теперь же въ столицахъ и фабричныхъ мѣстахъ постоянно расположены войска съ цѣлью быть готовыми разогнать собирающихся рабочихъ, и рѣдкій мѣсяць проходитъ безъ того, чтобы войска не выводили изъ казармъ съ боевыми патронами и не ставили въ скрытомъ мѣстѣ съ тѣмъ, чтобы они всякую минуту были готовы стрѣлять по народу.

Употребленіе войскъ противъ народа сдѣлалось не только обычнымъ явленіемъ, но войска уже впередъ формируются такъ, чтобы быть готовыми для этого своего употребленія. Правительство не скрываетъ того, что распредѣленіе рекрутовъ по частямъ дѣлается умышленно такое, чтобы солдаты никогда не были взяты изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они стоятъ. Дѣлается это съ цѣлью, чтобы солдатамъ не пришлось стрѣлять въ своихъ родныхъ.

Германскій императоръ прямо, при всякомъ наборѣ рекрутовъ, говоритъ и говоритъ, (рѣчь 23 мая 1901 г.), что присягнувшіе ему солдаты принадлежатъ ему и тѣломъ и душой, что у нихъ только одинъ врагъ — это его врагъ. И что врагъ этотъ социалисты (т.-е. рабочіе), которыхъ солдаты должны, если онъ велитъ имъ, застрѣлить (niederschissen). хотя бы это были ихъ родные братья или даже родители.

Кромѣ того въ прежнія времена, если войска и употреблялись противъ людей изъ народа, то тѣ, противъ

кого они употреблялись, были, или по крайней мѣрѣ считались, злодѣями, готовыми убивать и разорять смирныхъ жителей и которыхъ поэтому для общаго блага полагали нужнымъ уничтожать. Теперь же всѣ знаютъ что тѣ, противъ кого высылаются войска, большею частью смирные, трудолюбивые люди, желающіе только безпрепятственно пользоваться плодами своихъ трудовъ. Такъ что главное и постоянное употребленіе войскъ въ наше время состоитъ уже не въ воображаемой защитѣ отъ невѣрныхъ и вообще виѣшнихъ враговъ и не отъ злодѣевъ бунтовщиковъ, враговъ внутреннихъ, а въ томъ, чтобы убивать своихъ безоружныхъ братьевъ, которые вовсе не злодѣи, а смирные, трудолюбивые люди, желающіе только, чтобы у нихъ не отнимали того, что они зарабатываютъ. Такъ что военная служба въ наше время, когда главное назначеніе ея въ томъ, чтобы угрозою убійства и убійствомъ удерживать порабощенныхъ людей въ тѣхъ несправедливыхъ условіяхъ, въ которыхъ они находятся, — уже не только не благородное, но прямо подлое дѣло.

И потому офицерамъ, служащимъ теперь, необходимо подумать о томъ, кому они служатъ, и спросить себя, хорошо или дурно то, что они дѣлаютъ?

Знаю я, что есть много офицеровъ, въ особенности изъ высшихъ чиновъ, которые разными разсужденіями на тему о православіи, самодержавіи, цѣлости государства, неизбѣжности всегдашней войны, необходимости порядка, несостоятельности социалистическихъ бредней

и т. и. стараются доказать самимъ себѣ, что дѣятельность ихъ разумна, полезна и не имѣетъ въ себѣ ничего безирравственнаго. Но они въ глубинѣ души сами не вѣрятъ въ то, что говорятъ, и чѣмъ они умнѣе и чѣмъ старше дѣлаются, тѣмъ меньше вѣрятъ въ это.

Помню, какъ радостно поразилъ меня мой пріятель и сослуживецъ, очень честолюбивый человѣкъ, всю жизнь свою посвятившій военной службѣ и достигшій высшихъ чиновъ и отличій (генераль-адъютанта и генерала артиллеріи), когда онъ сказалъ мнѣ, что сжегъ свои записки о войнахъ, въ которыхъ участвовалъ, потому что измѣнилъ свой взглядъ на военное дѣло и всякую войну считаетъ теперь дурнымъ дѣломъ, которое надо не поощрять, занимаясь имъ, а, напротивъ, всячески дискредитировать. Многіе офицеры думаютъ такъ же, хотя и не говорятъ этого, пока служатъ. Въ сущности же всякому мыслящему офицеру и нельзя думать иначе. Вѣдь стоитъ только подумать о томъ, что, начиная съ младшихъ чиновъ и до самыхъ старшихъ, до корпуснаго командира, составляетъ занятіе всѣхъ офицеровъ? Отъ начала и до конца ихъ службы— я говорю про фронтовыхъ офицеровъ— дѣятельность ихъ, за исключеніемъ рѣдкихъ и короткихъ періодовъ, когда они идутъ на войну и заняты убійствомъ,— состоитъ въ достиженіи двухъ цѣлей: въ обученіи солдатъ умнѣію наилучшимъ образомъ убивать людей и приученіи ихъ къ такому послушанію, при которомъ они механически, безъ разсужденій дѣлали бы все то,

что имъ прикажетъ начальникъ. Въ старину говорили: «двухъ запори, одного выучи» и такъ и дѣлали. Если теперь процентъ забитыхъ меньше, то принципъ остался тотъ-же. Нельзя довести людей до того не живогнаго, а машиннаго состоянія, въ которомъ они бы дѣлали самое противное природѣ челоуѣка и исповѣдуемой имъ вѣрѣ дѣло, именно убійство, по приказанію всякаго начальника, безъ того, чтобы не были произведены надъ этими людьми, кромѣ хитрыхъ обмановъ, еще и самыя жестокія насилія. Такъ это и дѣлается.

Недавно во французской прессѣ надѣлало шуму изобличеніе журналистомъ тѣхъ ужасныхъ мученій, которымъ подвергаются солдаты въ дисциплинарныхъ баталіонахъ, на островѣ Оргои, въ шести часахъ ѣзды отъ Парижа. Наказываемымъ связывали руки съ ногами на спинѣ и такъ бросали на землю, надѣвали на большіе пальцы загнутыхъ за спину рукъ винты, завинчивая ихъ до того, что каждое движеніе производило ужаснѣйшую боль, подвѣшивали ногами кверху и т. п.

Когда мы видимъ обученныхъ звѣрей, которые исполняютъ противное ихъ природѣ: собаки ходятъ на переднихъ лапахъ, слоны вертятъ бочки, тигры играютъ со львами и т. п.,—мы знаемъ что все это достигнуто мученіями голода, арапника и раскаленнаго желѣза. То же самое мы знаемъ, когда видимъ людей, которые въ мундирахъ съ ружьями замираютъ въ неподвижности или дѣлаютъ въ разъ одно и то же дви-

женіе, бѣгають, прыгають, стрѣляютъ, кричатъ и т. п., вообще производятъ тѣ красивыя смотры и маневры, которыми такъ любитъ и хвалятся другъ передъ другомъ императоры и короли. Нельзя вытравить изъ человѣка все человѣческое и довести его до состоянія машины, не мучая его и мучая не просто, а самымъ утонченнымъ, жестокимъ образомъ, вмѣстѣ мучая и обманывая.

И это все дѣлаете вы — офицеры. Въ этомъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, когда вы идете на настоящую войну, состоитъ вся ваша служба, отъ высшихъ чиновъ до низшихъ.

Къ вамъ приходитъ изъ семьи переселенный на другой конецъ свѣта юноша, которому внушено, что та обманная, запрещенная Евангеліемъ, присяга, которую онъ принялъ, безповоротно связываетъ его въ родѣ того, какъ положенный на полѣ пѣтухъ съ проведенной отъ носа чертой думаетъ, что онъ связанъ этой чертой. Онъ приходитъ къ вамъ съ полной покорностью и надеждой, что вы, старшіе, болѣе умные и ученые, чѣмъ онъ, люди, научите его всему хорошему. Вы же, вмѣсто того, чтобы освободить его отъ тѣхъ суевѣрій, которыя онъ принесъ съ собою, прививаете ему еще новыя, самыя безсмысленныя, грубыя и вредныя суевѣрія: о святости знамени, о почти божескомъ значеніи царя, объ обязательности безотговорочнаго во всемъ подчиненіи начальству. И когда вы съ помощью выработанныхъ въ вашемъ дѣлѣ приемовъ одурѣнія

людей доводите его до положенія хуже животнаго, такого, въ которомъ онъ готовъ убивать всѣхъ, кого велятъ, даже своихъ безоружныхъ братьевъ,—вы съ гордостью показываете его начальству и получаете за это благодарности и награды. Самому быть убійцей ужасно, но хитрыми и жестокими приемами довести до этого своихъ, довѣрившихся вамъ, братьевъ—есть самое страшное преступленіе. И его-то вы совершаете и въ этомъ состоитъ вся ваша служба.

Неудивительно поэтому, что среди васъ, больше чѣмъ во всякой другой средѣ, процвѣтаетъ все то, что можетъ заглушить совѣсть: куреніе, карты, пьянство, развратъ, и чаще всего бываютъ самоубійства.

«Соблазны должны войти въ міръ, по горе тѣмъ, черезъ кого они входятъ».

Вы говорите часто, что служите потому, что если бы вы не служили, то нарушился бы существующій порядокъ, и произошли бы смуты и всякаго рода бѣдствія.

Но, во-первыхъ, неправда то, что вы озабочены поддержаніемъ существующаго порядка: вы озабочены только своими выгодами.

Во-вторыхъ, если бы даже воздержаніе ваше отъ военной службы и нарушило существующій порядокъ, то это никакъ бы не доказывало, что вамъ надо продолжать дѣлать дурное дѣло, а только то, что порядокъ, разрушающійся отъ вашего воздержанія—долженъ быть уничтоженъ. Если бы существовали самыя полезныя

учрежденія: больницы, школы, богадѣльни, содержи-
мая на доходы съ домовъ терпимости, то вся польза,
приносимая этими благотворительными учрежденіями,
никакъ не могла бы удержать въ ея положеніи женщи-
ну, желающую освободиться отъ своего постыднаго
ремесла.

«Я не виновата, — скажетъ женщина, — что вы
устроили свои благодѣтельные учрежденія на развратѣ.
Я не хочу болѣе быть развратной, а до вашихъ учре-
жденій мнѣ дѣла нѣтъ». То же долженъ сказать и вся-
кій военный, если ему будутъ говорить о необходимости
поддерживать существующій порядокъ, основанный на
его готовности къ убійству. «Устройте общій порядокъ
такъ, чтобы для него не пужно было убійства», дол-
женъ сказать военный, «и я не буду нарушать его.
Я только не хочу и не могу быть убійцей».

Говорятъ еще многіе изъ васъ: «Я былъ воспитанъ
такъ, я связанъ своимъ положеніемъ и не могу выйти
изъ него». Но и это неправда.

Вы всегда можете выйти изъ вашего положенія.
Если же вы не выходите изъ него, то только потому,
что предпочитаете жить и дѣйствовать противъ своей
совѣсти, чѣмъ лишиться нѣкоторыхъ мірскихъ выгодъ,
которыя вамъ даетъ ваша безчестная служба. Только
забудьте, что вы офицеръ, и вспомните, что вы че-
ловѣкъ, и выходъ изъ вашего положенія сейчасъ же
откроется вамъ. Выходъ этотъ, самый лучшій и чест-
ный, состоитъ въ томъ, чтобы, собравъ часть, кото-

рой вы командуете, выйти передъ нею и попросить у солдатъ прощенія за все то зло, которое вы имъ сдѣлали, обманывая ихъ, и перестать быть военнымъ. Поступокъ этотъ кажется очень смѣлымъ и требующимъ большого мужества, а между тѣмъ для такого поступка нужно гораздо меньше мужества, чѣмъ для того, чтобы идти на штурмъ или вызвать на дуэль за оскорбленіе мундира,—то, что вы, какъ военный, всегда готовы сдѣлать и дѣлаете.

Но и не будучи въ состояніи поступать такъ, вы всегда можете, если поняли преступность военной службы, уйти изъ нея и предпочесть ей всякую другую, хотя и менѣе выгодную, дѣятельность.

Если же вы не можете и этого сдѣлать, то рѣшеніе для васъ вопроса о томъ, будете ли вы продолжать служить или нѣтъ, отложите до того времени,—а это для всякаго скоро наступитъ,—когда вы будете стоять лицомъ къ лицу съ безоружной толпой крестьянъ или фабричныхъ, и вамъ приказано будетъ стрѣлять въ нихъ. И тогда, если въ васъ еще осталось что-либо человѣческое, вы должны будете отказаться повиноваться и вслѣдствіе этого уже оставить службу.

Я знаю, что много еще есть офицеровъ отъ высшихъ до низшихъ чиновъ, которые такъ невѣжественны или загниотизированы, что не видятъ необходимости въ томъ или въ другомъ или въ третьемъ выводѣ и спокойно продолжаютъ служить и при теперешнихъ усло-

віяхъ. готовы стрѣлять по своимъ братьямъ и даже гордятся этимъ; но къ счастью общественное мнѣніе все болѣе и болѣе отвращеніемъ и презрѣніемъ казнить такихъ людей, и число ихъ становится все меньше и меньше.

Такъ что въ наше время, когда братоубійственное назначеніе войска стало очевиднымъ, нельзя уже офицерамъ не только продолжать старинныя преданія военнаго самодовольнаго молодечества, но нельзя уже, безъ признанія своего человѣческаго униженія и стыда, продолжать преступное дѣло обученія убійству простыхъ, довѣряющихъ имъ людей и самимъ готовиться къ участию въ убійствѣ безоружныхъ жителей.

Вотъ это долженъ понимать и помнить всякій мыслящій и совѣтливый офицеръ нашего времени.

Левъ Толстой.

Гаспра, 7-го декабря 1901 г.

Министерство культуры и искусства

Российская академия наук

Заказы адресовать:

Москва, Бахметьевская, 7, А. Н. Подсыпанину.

По этому же адресу можно обращаться за получением всѣхъ выходящихъ въ Россіи сочиненій **Л. Н. Толстого** и другой сходной съ его направлениемъ религіозно-просвѣтительной литературы.

Кружокъ памяти Н. А. Подсыпанина

2007053822